КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1880 года № 26 25-го іюня.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 3 руб. 60 коп. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за 1 разъ 15 коп. за строку или ея мѣсто, за 2 раза по 20 коп. за 3 раза по 25 коп.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Рукоположенъ: мая 6, окончившій курсъ семинаріи Григорій Кисилевичъ—во священника въ с. Восходавинцы бердичевскаго уѣзда.

Перемѣщенъ: апрѣля 7, священникъ с. Варшицы бердичевскаго уѣзда Даніилъ Каченовскій въ с. Макаровку сквирскаго уѣзда.

Награждены набедренникомъ: мая 4, священникъ лебединскаго женскаго монастыря Іоаннъ Захаріевскій за труды его о благолѣпіи приходскаго храма; мая 1 священникъ с. Ковалевки, васильковскаго уѣзда, Юліанъ Лопачевскій за труды при постройкѣ церкви и примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей.

Утвержденъ: апрѣля 29, священникъ с. Млѣева черкасскаго уѣзда Іоаннъ Троицкій—духовникомъ 6 благочинническаго округа черкасскаго уѣзда.

Преподано благословеніе Его Высокопреосвященства: мая 1-го, церковному старостѣ с. Ковалевки васильковскаго уѣзда Космѣ Футорному и прихожанамъ: Аѳанасію Нестеренку, Ивану Кравченку, Леонтію Зубченку и прочимъ членамъ церковно-приходскаго попечительства за ихъ усердіе къ храму Божію; іюня 3-го, священнику с. Камянки липовецкаго уѣзда Григорію Лещинецкому и церковному старостѣ Василію Гринюку за ихъ труды при постройкѣ своей приходской церкви.

Преподано благословеніе Св. Синода съ выдачею установленной грамоты: апрѣля 7, старостѣ кіево-печерской Ольгинской церкви 2-й гильдіи купцу Степану Порохнякову за заслуги по духовному вѣдомству.

Исключаются изъ списковъ умершіе: апрѣля 15 священникъ с. Бабинецъ кіевскаго уѣзда Димитрій Кремезовичъ; апрѣля 25, священникъ с. Шукайводы уманскаго уѣзда Іосифъ Ляховецкій; апрѣля 29, священникъ с. Волчкова радомысльскаго уѣзда Кириллъ Горбачевскій и мая 16 протоіерей черкасскаго градскаго собора Ѳеодоръ Александровскій.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ

Полезная мѣра мѣстной администраціи относительно знахарей и знахарокъ. Въ послѣднее время въ органахъ печати чаще и чаще встрѣчаются сообщенія о мѣрахъ, которыя исходя то отъ центральной, то отъ мѣстной администраціи, направлены къ охраненію и развитію народнаго благосостоянія, къ искорененію разнаго рода вредныхъ обычаевъ и злоупотребленій, отъ которыхъ страдаетъ темное простонародье, особенно сельское. Къ числу такихъ мѣръ принадлежитъ слѣдующая, давно желанная

мѣра относительно знахарей и знахарокъ, о которой сообщаетъ помѣщенный въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ *циркуляръ кіевскаго губернатора мировымъ посредникамъ, уѣзднымъ исправникамъ и полицiймейстерамъ*: Въ селѣ Константиновѣ, черкасскаго уѣзда, умеръ крестьянскій мальчикъ, по видимому отъ обжоговъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Мать этого мальчика обратилась за пособіемъ своему дитяти, страдавшему извѣстною ей болѣзнію къ *знахаркѣ*. Послѣдняя, предположивъ, что у мальчика сухотка, посовѣтовала натопит съ вечера печь, вскипятить воды, положивъ въ нее данной ею какой-то травы съ кореньями, и на разсвѣтѣ выкупать мальчика въ этой водѣ. Когда вода была такимъ образомъ приготовлена, знахарка посадила больнаго въ купель, а потомъ согрѣтаго до красна, связавъ, положила въ ночвы и сунула въ горячую печь; между тѣмъ мать ребенка, по приказанію той же знахарки, должна была обѣжать три раза хату и, подходя послѣ каждаго круга къ двери, говорить: „добраго утра“. Пока все это продѣлывалось, знахарка держала ребенка въ печи, не смотря на крикъ его и сопротивленіе, причемъ онъ обжогъ себѣ ноги; когда же его вынимали изъ печи, то при этомъ задѣли головой за горячій оселокъ (устье печи), отчего кожа на лбу отдѣлилась и осталася на оселкѣ. Отъ обжоговъ на ногахъ образовались страшные пузыри, ноги начали гнить, а когда пузыри лопнули, то оказалось что ноги обожжены были до кости. Составленный объ этомъ протоколъ переданъ судебному слѣдователю.

Случай этотъ вынуждаетъ меня поставить на видъ полиціи, что если въ селахъ, по ненахожденію вблизи врача, жители и бываютъ вынуждены обращаться къ такъ называемымъ знахарямъ и знахаркамъ, въ дѣйствительности же невѣждамъ и шарлатанамъ, которые вслѣдствіе этого и пользуются воспрещенною закономъ практикою; то полиціи, независимо отъ привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности за причиненный вредъ для здоровья или же и самую смерть, какъ это и было въ приведенномъ случаѣ, слѣдуетъ разъяснять, при всякомъ удобномъ случаѣ, весь вредъ отъ легковѣрія, съ какимъ относятся къ подобнымъ людямъ и къ какимъ легковѣріе это можетъ повести печальнымъ послѣдствіямъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я вмѣняю гг. исправникамъ въ обязанность, какъ лично, такъ и чрезъ подвѣдомыхъ имъ становыхъ приставовъ, урядниковъ, сотскихъ, десятскихъ, а также чрезъ волостныя правленія и сельскихъ старостъ наблюдать, чтобы лица, не имѣющія по закону права или особаго дозволенія заниматься леченіемъ какихъ либо внутреннихъ или наружныхъ болѣзней, особенно за денежную плату или для другихъ собственныхъ выгодъ, были обнаруживаемы и привлекаемы къ отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ и уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Слѣдуетъ ожидать, что предписываемыя приведеннымъ циркуляромъ мѣры преслѣдованія знахарей и знохорокъ за ихъ шарлатанское и такъ часто вредное леченіе не останутся безъ дѣйствія. Но и то несомнѣнно, что одними этими мѣрами не удастся ни унять знахарей и знахарокъ, ни подорвать слѣпое довѣріе къ нимъ темнаго простонародья. Конечно, народъ менѣе обращался бы за врачебною помощію къ знахарямъ и знахаркамъ, если бы для него имѣлась вготовѣ не дорогая или даровая помощь дѣйствительныхъ врачей, говоримъ менѣе, но только менѣе, потому что даже тамъ, гдѣ имѣются сельскіе врачи народъ очень и очень часто предпочитаетъ имъ тѣхъ же знахарей и знахарокъ. Сила знахарства и довѣрія къ нимъ народа—сила духовная,—сила суевѣрія, нажитаго вѣками, изъ подъ власти котораго выводить нашъ темный народъ могла бы только духовная же сила, сила нравственнаго, просвѣщающаго вліянія. Къ такому вліянію призваны всѣ образованные классы, особенно же сельскіе пастыри, какъ именно пастыри—учители, просвѣтители народа. Не такъ давно, въ статьѣ „Крещеное язычество“, помѣщенной въ газетѣ „Голосъ“, авторъ стат г. Е. Марковъ, описывая въ рельефныхъ чертахъ (часто съ прикрасами) гнетъ суевѣрій и предразсудковъ, тяготѣющихъ надъ самимъ народомъ, замѣчаетъ: „Мы сознаемъ вполнѣ, что сами не дѣлаемъ и не сдѣлали ничего, чтобы вырвать совѣсть нашего разумнаго и даровитаго простолюдина изъ власти самыхъ темныхъ предразсудковъ варварства“. Тоже далѣе говорится и о духовенствѣ, которое или не старается или не умѣетъ и не можетъ помочь народу въ дѣлѣ высвобожденія его изъ подъ власти суевѣрій и предразсудковъ. Такія сужденія о духовенствѣ, особенно сельскомъ, давно стали у насъ, такъ сказать, ходячими, заурядными. Не говоря о томъ, насколько вѣрны эти сужденія, охотнѣе отмѣчаемъ примѣры заботливости сельскихъ приход-

скихъ священниковъ объ изученіи народныхъ суевѣрій съ цѣлію облегчить борьбу съ ними для себя и своихъ собратій, а также примѣры противодѣйствія суевѣріямъ и суевѣрнымъ обычаямъ чрезъ церковную проповѣдь. Съ такими примѣрами встрѣтится читатель и въ настоящемъ № нашего изданія.

Со словъ сельской бабки *). Прежде чѣмъ перейти къ другимъ событіямъ изъ жизни моихъ прихожанъ, было бы естественною связью и однимъ изъ условій приблизительной полноты этого труда пройти наскоро ту область суевѣрной малороссійской фантазіи, вліянію которой крестьянскія дѣти всецѣло отдаются съ первой же поры ихъ сознанія.

Предметы, населяющіе воображеніе малороссійскаго простонародья, давно уже извѣстны литературѣ въ общемъ ихъ типѣ и изображены въ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ. Но мѣстныя особенности этихъ предметовъ по своей оригинальности настолько достойны вниманія, что пройти о нихъ съ молчаніемъ было бы непростительно. Начнемъ съ *волкулаковъ*. Простые люди утверждаютъ, что есть такая пора, въ которую всякое недоброе желаніе и начинаніе получаютъ силу исполняться неизбѣжно и въ надлежащемъ видѣ. Случается, что разозлившійся въ эту пору человѣкъ, разумѣется, въ ссорѣ пожелаетъ, чтобы у кого нибудь изъ его противниковъ родился такъ называемый волкулака,—и желаніе непремѣнно исполняется. Какая-то магическая сила прикасается къ этому желанію и дѣлаетъ его какъ бы частію злаго духа. Потомъ оно, въ образѣ памятозлобнаго генія, паритъ надъ землею до тѣхъ поръ, пока не настанетъ часъ опуститься въ назначенный для него человѣческій зародышъ. Изъ этого зародыша долженъ явиться человѣкъ, надѣленный какою-то непостижимою болѣзнію, благодаря которой онъ по временамъ превращается въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ волка. Въ простонародьи такой странный человѣкъ слыветъ подъ именемъ „волкулаки". Кто именно волкулаки въ селѣ—указать не могутъ, и даже родители его ничего о немъ не знаютъ. Когда наступитъ болѣзненный припадокъ, волкулака ночью убѣгаетъ изъ дому въ лѣсъ, перекидывется черезъ пень и тотчасъ становится волкомъ, не теряя однако своей человѣческой личности. Затѣмъ, какъ приговоренный къ каторгѣ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печально влачитъ свою волчью жизнь, принужденный бродить съ звѣрями по лѣсамъ и полямъ, убивать домашнихъ животныхъ и питаться сырымъ мясомъ. Падали онъ никогда не ѣстъ. Увидя родное село, волкулака тяжко скорбитъ о потерѣ дорогой ему человѣческой жизни. Роднымъ и друзьямъ онъ мысленно шлетъ искренній привѣтъ; вспомнивъ же своего лютѣйшаго врага, онъ предается полной волчьей ярости и, удаляясь въ лѣсъ, даетъ себѣ слово тяжело ему отомстить. Избравъ для своей мести глубокую ночную темь, волкулака забирается въ „кошару" своего врага и убиваетъ всѣхъ до одной овецъ. Потому-то, если гдѣ случится, что волки выдушатъ овецъ, то приписываютъ такое несчастіе мщенію волкулаки. По исчезновеніи припадка, перекинувшись черезъ пень, онъ снова становится человѣкомъ.

Говорятъ также, что какая то непонятная сила навѣваетъ особаго злаго духа на человѣческій зародышъ, изъ котораго является человѣческое существо со свойствами вампира. Прежде чѣмъ опредѣлить сущность вампира, или *„упыря"*, надо замѣтить что это существо живетъ въ людскомъ обществѣ, какъ обыкновенный человѣкъ, такъ что даже никто и не знаетъ о принадлежаніи его къ сонму злыхъ существъ. Ходятъ, впрочемъ, толки, что вампира узнаютъ по шести пальцамъ на рукахъ и ногахъ. Узнаютъ также вампира послѣ его смерти по его красному, какъ бы свѣжему лицу. По повѣрью, въ селѣ всегда бываетъ два вампира; одинъ-живой, другой-умершій. Живой вампиръ есть, такъ сказать, добрый геній села. Стоя на стражѣ общественнаго благополучія, онъ, съ честію благороднаго и храбраго воина, постоянно ведетъ борьбу съ мертвыми вампирами, изъ всѣхъ селъ идущими съ эпидеміею въ его село. Вѣдьмы при его появленіи приходятъ въ неописанный ужасъ. Самая прекрасная черта живаго вампира состоитъ въ томъ, что онъ не пьетъ людской крови. Но за то послѣ своей смерти онъ становится страшнымъ бичомъ поселянъ. Изъ добраго онъ становится самымъ злѣйшимъ геніемъ. Когда мужество и сила оставляютъ живаго вампира, изнеможеннаго въ постоянной борьбѣ съ своими мертвыми собратами, тогда умершій вампиръ, легко устраняя съ пути слабую защиту честнаго борца, открываетъ свободный путь въ село всѣмъ иносельнымъ мертвымъ смертоносцамъ. Село наводняется вампирами, ходящими ночью во образѣ странныхъ звѣрей, поражая или людей или скотъ смертію. Эпидемія принимаетъ

---

*) Продолженіе. См. Кіевск. Еп. Вѣд. за 1879 г. № 44.

обширные размѣры. Страхъ всюду такой распространяется, что ночью ходятъ не иначе, какъ компаніей. Несчастіе продолжается до тѣхъ поръ, пока милостивый Богъ не простретъ свою грозную руку на на злыхъ истребителей людей и скота. Тогда испуганные вампиры бѣгутъ на кладбища и прячутся по своимъ гробамъ.

Въ спокойное время умершій вампиръ занимается высасываніемъ крови у сонныхъ людей. Но прежде чѣмъ сосать кровь, онъ соблюдаетъ нѣкоторую предосторожность. Выходя до полночи изъ гроба въ нарядѣ мертвеца, вампиръ поднимается надъ спящимъ селомъ и наблюдаетъ, чьи дома искрятся. Искрятся же тѣ дома, въ которыхъ обитаютъ праведники, постившіеся цѣлый день наканунѣ праздника Р. Х. Опустившись на землю, вампиръ старательно оберегается заходить въ искрившіеся додома, боясь. чтобы праведная кровь не погубила его, но безстрашно идетъ въ дома грѣшниковъ, гдѣ и упивается нечестивою кровью.

Разсказываютъ, что живой вампиръ изъ любви къ людямъ когда-то открылъ тайну оживлять умершихъ людей. У мертваго вампира есть сосудъ съ человѣческою кровью, нужно его добыть. Пріобрѣвъ этотъ сосудъ и поднявъ на улицѣ головню, надо омочать ее въ кровь и помазывать мертвыхъ: отъ этого дѣйствія мертвые станутъ оживать. Этой же головней можно уничтожать и жестокаго умершаго вампира.

Вѣдьма точно также, какъ и вампиръ, зарождается подъ вліяніемъ особыхъ чаръ злаго духа. Изъ очарованнаго зародыша является человѣческое существо женскаго пола, исполненное зла и чародѣйства. Это получеловѣческое и полудьявольское существо не такъ не узнаваемо, какъ вампиръ или волкулака, но по нѣкоторымъ примѣтамъ люди указываютъ на извѣстныхъ женщинъ, какъ на несомнѣнныхъ членовъ тайнаго злаго міра, и обозначаютъ ихъ прозвищемъ вѣдьмъ *). Вѣдьмы бываютъ „родимыя и ученыя"; ученыя вѣдьмы злѣе родимыхъ. Въ простонародьи о вѣдьмахъ существуютъ многочисленные разсказы, обильные поэтическими образами, представляя собою какъ бы настольную поэму, каждое слово которой принимается за непреложную истину, оправдываемую мнимыми ежедневными фактами. По этимъ разсказамъ, малороссійская вѣдьма въ своей дѣятельности есть существо далеко не такъ злое, какъ мертвый вампиръ, но по своимъ постояннымъ надоѣдливымъ кознямъ представляется въ воображеніи простолюдина злѣйшею тварью, хотя она на самомъ дѣлѣ и не такова.

Всѣ разсказы о вѣдьмѣ обращаются около слѣдующихъ основныхъ ея дѣйствій.

1). **Тайное доеніе чужихъ коровъ**.—Нѣтъ сомнѣнія, что тайнымъ образомъ доятъ и портятъ чужихъ коровъ никто другой, какъ только хитрыя и злонамѣренныя женщины, не знающія и не могущія знать никакихъ волхвованій. Но простолюдинъ полагаетъ, что это преступленіе совершаютъ женщины, „знающіяся съ злымъ духомъ", и причину самаго преступленія приписываетъ особому обычаю ихъ жизни. Вѣдьмы наравнѣ съ людьми уважаютъ годовые праздники, посѣщая церковь, одѣваясь по праздничному, а къ столу готовя молочныя кушанья. Коровье молоко, смѣшанное съ утреннею росою, есть необходимость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣнецъ ихъ праздничнаго стола. Гостепріимство по праздникамъ принято и у нихъ. Гостями бываютъ злые духи и иносельныя волшебницы. Но, чтобы столъ былъ полонъ для гостей, наканунѣ праздниковъ вѣдьмы проникаютъ въ хлѣвы къ чужимъ дойнымъ коровамъ и выдаиваютъ ихъ до крови. Въ моментъ доенія коровъ они принимаютъ образъ женщины, имѣющей небольшое бѣлое, какъ молоко, лицо, собачьи каріе глаза и длинные желтые волосы, въ безпорядкѣ раскиданные по плечамъ, на которыхъ накинутъ длинный бѣлый плащъ. При встрѣчѣ съ человѣкомъ эта „бѣлая женщина", превращается въ какое нибудь животное, а иногда въ клубокъ или обручь, и быстро исчезаетъ.

Для защиты коровъ отъ вѣдьмъ употребляютъ слѣдующіе пріемы. Во первыхъ, у скотнаго двора ставятъ осиновыя колья, такъ какъ, по повѣрью, осина наводитъ страхъ вообще на всѣхъ невидимыхъ враговъ человѣка; во вторыхъ, въ рога коровъ заворачиваютъ часть ремезоваго гнѣзда, а въ лохань, изъ которой даютъ ей пойло, бросаютъ живую четвероногую черепаху.—Порча молока и болѣзнь сосокъ у коровъ относится къ волхвованію вѣдьмъ.

*) Принято считать дѣйствительными вѣдьмами такихъ женщинъ, которыхъ застаютъ тайно доящими чужихъ коровъ, ходящими на разсвѣтѣ по росѣ, выходящими изъ церкви во время херувимской пѣсни. Весьма неуживчивыя, злыя женщины, обыкновенно, въ насмѣшку, а иногда и взаправду причисляются къ вѣдьмамъ.

2). Чародѣйство и „даванья“.—Продолжительный, раздирающій душу плачъ дѣтей, истерика взрослыхъ и временное умопомѣшательство зависятъ, какъ утверждаютъ, не отъ какихъ либо естественныхъ причинъ, но отъ чародѣйства обиженныхъ вѣдьмъ. Крестьяне сильно придерживаются того суевѣрія, что только тотъ можетъ излѣчить эти болѣзни, кто ихъ „насылаетъ“. Знахарка, помогшая въ этихъ болѣзняхъ, какъ-бы сама подтверждаетъ то, въ чемъ ее подозрѣвали. Послѣ оказанной помощи помянутое суевѣріе получаетъ въ глазахъ простолюдина силу истины и ведетъ къ тому, что многія несчастныя, ни въ чемъ неповинныя женщины за свои, можно сказать, благодѣянія подвергаются проклятіямъ и гоненію.. Полагаютъ также, что для отравленія людей вѣдьмы незамѣтнымъ образомъ даютъ имъ въ пищѣ и напиткахъ гадюкъ, ящерицъ, лягушекъ и порошка разныхъ ядовитыхъ травъ. Внезапныя заболѣванія, долговременная чахлость, извѣстныя болѣзни мозга, по которымъ больной слышитъ мнимый крикъ лягушекъ, лай собакъ, хлопанье крыльевъ и т. п., приписываютъ „даваньямъ“ вѣдьмъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что и помимо такъ называемыхъ вѣдьмъ въ народѣ есть много злонамѣренныхъ и мстительныхъ людей, которые для своихъ враждебныхъ цѣлей прибѣгаютъ къ ядовитымъ веществамъ. Но крестьяне не имѣютъ въ виду этого факта, и всѣ случаи дѣйствительнаго и мнимаго отравленій приписываютъ извѣстнымъ женщинамъ слывущимъ колдуньями, на которыхъ, вслѣдствіе этого, обрушивается множество непріятностей. Въ моемъ приходѣ была одна старуха, прозванная вѣдьмой, которую подозрѣвали въ отравленіяхъ людей. Однажды въ селѣ скоропостижно умеръ крестьянинъ. Всѣ заговорили, что онъ умеръ отъ яда, даннаго ему помянутой старухой Сыновья умершаго рѣшились отомстить вѣдьмѣ. Случилось ей однажды идти ночью изъ шинка; они напали на нее и перебили ей крестцовую кость, такъ что она шесть лѣтъ до своей смерти ходила на четверенькахъ.

3). Вѣдьмы производятъ засухи.—Причину слишкомъ продолжительнаго бездождія сваливаютъ на вѣдьмъ. Умерщвляя четвероногихъ черепахъ, изъ которыхъ будто-бы истекаютъ вода и роса, и забивая въ колодцахъ рунами ключи, онѣ этими способами отводятъ отъ селеній дождевыя тучи. Во время засухъ, по волшебству вѣдьмъ, въ какомъ то дремучемъ лѣсу грызутся два змѣя, отъ ярости которыхъ сохнутъ небо и земля. Только палка, которой удастся разорвать этихъ гадовъ, можетъ собрать грозовыя тучи надъ сельскими полями и низвесть на землю благодатный дождь.

4). Собираніе росы.—Ранніе слѣды хожденія по лугу, убѣленномъ росой, признаютя слѣдами вѣдьмъ, собиравшихъ на разсвѣтѣ росу. На зарѣ лѣтней ночи вѣдьмы выходятъ на лугъ и ударяютъ длинными платками о траву, приникшую къ землѣ отъ тяжести росы. Изъ намокшихъ платковъ роса выжимается въ сосуды, содержащіе звѣриное молоко. Смѣшанное съ росою, оно употребляется какъ любимое питье въ собраніяхъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ.

5). Доеніе звѣриныхъ самокъ.—Самыя веселыя гулянья темныхъ силъ бываютъ на „Ивана Купала“, „Сэмэна“—въ старый новый годъ— и на Благовѣщ ніе. На канунѣ этихъ дней всю ночь вѣдьмы доятъ звѣриныхъ самокъ, въ томъ числѣ и самокъ нечистыхъ домашнихъ животныхъ, чтобъ побольше заготовить на гулянье любимаго питья. Для скорости труда они проливаютъ на землю часть звѣринаго молока, благодаря чему въ короткое время собираются къ нимъ многочисленныя звѣриныя самки, а съ ними для особыхъ цѣлей гады и зловѣщія птицы. Самки выдаиваются, а гадамъ и птицамъ отдается приказъ сопровождать полетъ вѣдьмъ на „лысую гору“.—Летанья вѣдьмъ сквозь дымовыя трубы, ихъ поѣздъ на „ослонахъ“ съ метлами въ рукахъ, гулянья въ ночь цвѣтенія папоротника—предметы хотя и присущіе простолюдину, но по сходству ихъ съ подобными предметами, изображенными въ литературѣ, распространяться о нихъ лишне. По мѣстному повѣрью, вѣдьмы летаютъ не только на гулянья, но и на „баталіи“, ведя ихъ на границахъ царства съ иностранными вѣдьмами.

6). Сниманіе звѣздъ.—Звѣзда для вѣдьмы—талисманъ, притягивающій къ ней чужія деньги. Долго вѣдьмы придумывали способъ снимать съ неба „зорі“, и, наконецъ, наихитрѣйшая изъ нихъ открыла ларчикъ, догадавшись, что „талька“, оставшаяся недомотонною съ субботы на недѣлю, будучи украдена съ „мотовила“, есть наивѣрнѣйшее средство для этой цѣли. Зная этотъ секретъ, вѣдьмы невидимо входятъ въ тѣ дома, гдѣ есть такія тальки и, снявъ ихъ съ мотовилъ, уносятъ съ собою, издѣваясь надъ неловкостію поселянокъ Но и поселянки стали хитры. Не успѣвъ въ субботу до-

мотать тальку, онѣ снимаютъ ее съ мотовила и прячутъ за иконы, имѣя въ виду подобнымъ дѣйствіемъ предупредить воровку-вѣдьму. Похитивъ тальку, въ ясную лѣтнюю ночь вѣдьма летитъ съ нею въ небо, обвязываетъ зори и, спустившись на землю, стягиваетъ ихъ осторожно, пока не пробьетъ полуночный часъ.—Кто видитъ падающую звѣзду, тотъ крестясь молится: „святъ, святъ, святъ, Господь Богъ при этой зорѣ“!

7). **Поруганіе крестовъ.**—Вѣдьмы не любятъ крестовъ, стоящихъ на распутьяхъ, видя въ нихъ свидѣтелей своихъ преступныхъ полетовъ на нечестивыя оргіи злыхъ духовъ. Такъ какъ крестное знаменіе не приводитъ въ бѣгство вѣдьмъ, то они безстрашно позволяютъ себѣ ночью издѣваться надъ безмолвными крестами, то садясь цѣлыми стаями и цѣпляя тряпки на нихъ, то попеременно распинаясь въ насмѣшку Распятому.—Если крестъ, стоящій на распутьи, бываетъ разломанъ, то говорятъ, что ничто другое, но только вѣдьмы разломали его.

8). **Смерть вѣдьмы.**—Какою бы волшебною силою не обладалъ человѣкъ, но онъ не въ состояніи удалить отъ себя смерть. Простолюдинъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ послѣдніе дни жизни колдуньи. „Тьма“ злыхъ духовъ наполняетъ домъ, въ которомъ она лежитъ въ предсмертные часы. Звонъ цѣпей, страшный ревъ, стукъ, свистъ, пляска и, наконецъ, самый видъ діаволовъ наполняютъ душу вѣдьмы величайшимъ ужасомъ, который прежде былъ невѣдомъ ей. Взамѣнъ прежнихъ ласкъ, схвативъ умирающую грѣшницу, бѣсы начинаютъ жестоко мучить ее. Прежде всего они вытягиваютъ тѣло ея какъ бы машиною, такъ что всѣ суставы ломаются, затѣмъ бросаютъ ее объ полъ и подвергаютъ сильнымъ корчамъ. Проклятая „обеяснмца“ произноситъ какіе-то звуки, похожіе на вой звѣрей, а изъ рта у нее катятся клубы пѣны. Бываютъ минуты, въ которыя вѣдьма дѣлается какъ бы умершей; но черезъ нѣсколько времени она съ страшнымъ храпѣніемъ опять возвращается въ чувство, снова начинаются прежнія мученія, продолжающіяся нѣсколько дней и ночей, прерываясь замираніями страдающей. Неистовство діаволовъ становится слышно на далекое пространство и наводитъ панику на сосѣднихъ жителей. Измучивъ въ конецъ вѣдьму, бѣсы и желали бы унести ея грѣшную душу, но имъ *мѣшаетъ потолокъ*. По законамъ ада грѣшныя души должны быть уносимы съ ложа умирающихъ прямо вверхъ жилища. Зная это и, кромѣ того, желая избавиться отъ неистовства бѣсовъ, люди приходятъ въ домъ умирающей вѣдьмы и срываютъ надъ нею потолокъ. Тогда возрадованные бѣсы, схвативъ душу колдуньи, съ шумомъ и свистомъ улетаютъ въ сдѣланное отверстіе *).

9). **Вишневыя вѣтки.**—Вѣдьмѣ извѣстно, что въ загробной жизни на нее будутъ нападать всѣ тѣ существа, которыхъ она обижаетъ въ этой жизни. Звѣри, гады, зловѣщія птицы и люди, у которыхъ она тайно выдаивала коровъ,—всѣ вмѣстѣ будутъ стремиться разорвать ее въ клочки. Звѣри недовольны тѣмъ, что вѣдьма, въ дѣтствѣ отнимала кормъ у нихъ; гады и зловѣщія птицы будутъ мстить за бывшее невольное подчиненіе ея власти; люди, само собой понятно, не желаютъ простить ей того, что въ праздникъ Петра и Павла они оставались безъ „мандриковъ“, а на масляницѣ—безъ масла и сыра. Поэтому, при жизни, вѣдьма часто проситъ, чтобы послѣ ея смерти въ гробъ положили ей вишневыя вѣтки. Эти вѣтки будутъ удерживать нападающихъ въ далекомъ отъ нея разстояніи **).

Любопытны пріемы, употребляемые простолюдинами для того, чтобы увидѣть вѣдьму.

Есть растеніе, называемое въ мѣстномъ нарѣчіи „тырлычъ“. Подверженное кипяченію, оно, говорятъ, имѣетъ силу вызывать вѣдьмъ. Любопытные варятъ его и утверждаютъ, что послѣ долговременнаго кипяченія, наконецъ, является какая-то женщина въ комнатѣ и, постоявъ немного, улетаетъ въ трубу вмѣстѣ съ дымомъ.

По пятницамъ великаго поста, крестьянки, приготовляя хлѣбы для поминовенія усопшихъ, откладываютъ въ „печурку“ по щепкѣ. Сложивъ въ теченіе поста шесть такихъ щепокъ, онѣ хранятъ ихъ до приготовленія праздничнаго кулича. Когда наступитъ часъ „гнетить пасху“, разведя огонь изъ хранимыхъ щепокъ и другихъ дровъ, варятъ подъ каминомъ какой нибудь замокъ, ожидая, что щепки и этотъ замокъ непремѣнно должны вызвать

---

*) Принято срывать потолокъ, впрочемъ, весьма рѣдко, если кто слишкомъ долго мучится въ предсмертной агоніи. Обыкновенно такихъ людей считаютъ „душепродавцами“.

**) Я самъ не видѣлъ, но прихожане разсказываютъ, что въ гробы предполагаемыхъ вѣдьмъ кладутъ вишневыя вѣтки.

вѣдьму за полученіемъ „поминальнаго огня". Увѣряютъ, что очень часто является въ это время какая-то незнакомая женщина и проситъ огня. Если ей откажутъ, она, выйдя изъ дома, вытягиваетъ изъ домовой крыши пучокъ соломы и тутъ же исчезаетъ въ вихрѣ.

На масляницѣ, по мѣстному выраженію, въ „запусты", послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени Св. Воскр. Въ теченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть и почти всегда украдываетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь Св. Воскр. весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда-то берется, высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія то страшныя птицы садятся ему на голову и плеча. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладьбищѣ. Мертвецы желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма украдываетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница.—Утверждаютъ, что на заутрени Св. Воскр., при пѣніи въ первый разъ „Христосъ Воскресе", вѣдьмы хватаются за замокъ, которымъ бываетъ церковь заперта. На этомъ основаніи церковный староста такъ усердно заслоняетъ спиною замокъ, что едва-ли какая нибудь дерзкая вѣдьма осмѣлится ухватиться за него, хотя бы и искренно желала этого.

(Продолженіе будетъ).

С. А. Краснокутскій.

Опахиваніе отъ чумы—одно изъ теперешнихъ народныхъ суевѣрій.

Газетѣ „Русскій Курьеръ" изъ Озерска, калужской губ., сообщаютъ: „Въ концѣ февраля появилась чума на коровъ. Въ какіе-нибудь пять шесть дней пали 13 коровъ. Паника напала на крестьянъ. При такомъ положеніи дѣлъ, 3 марта, крестьяне собрались къ старостѣ и стали судить-рядить, какъ бы выпроводить непрошенную гостью чуму. Долго толковали, наконецъ, старожилы присудили и всѣ порѣшили—опахать деревню, какъ дѣлывали старики. 4 марта сельскій староста обошелъ крестьянскіе дома съ приказаніемъ всѣмъ бабамъ и дѣвкамъ собраться къ полночи въ извѣстномъ пунктѣ для „опахиванія". Часамъ къ 11-ти со всего села собрался весь женскій полъ на сельской площадкѣ; сюда же принесены были и необходимыя вещи: икона, соха, хомутъ, кузовъ съ пескомъ и баклашка съ дегтемъ. Въ 12-мъ часу на одну, уже перезрѣвшую, дѣвицу надѣли хомутъ и впрягли ее въ соху; двѣ дѣвушки взялись за оглобли сохи, а другія двѣ заняли мѣста пахаря и правили сохою. Молодая дѣвица взяла икону, уже пожилая вдовая баба—кузовъ съ пескомъ, а другая вдовушка—дегтярную баблашку съ помазкомъ. Когда все было готово, процессія тронулась. Впереди всѣхъ шла дѣвица съ иконою, а за ней вдовушка съ кузовомъ, изъ котораго она разсѣвала песокъ по дорогѣ, а дѣвки этотъ песокъ запахивали; баба съ баклашкою шла сзади. Шествіе замыкала громадная толпа бабъ и дѣвокъ съ косами и заслонами, въ которыя онѣ били, съ кочергами, ухватами и т. п. Какъ ни старались шумѣть и галдѣть опахивающія, все-таки, должно быть, крикъ ихъ былъ не настолько силенъ, чтобы его могла разслушать чума, а потому она и по сей часъ еще въ нашемъ селѣ гуляетъ—никуда не убѣжала".—Старинное народное двоевѣріе въ лицахъ! Наихудшая же сторона въ этомъ дѣлѣ та, что суевѣрный обрядъ совершенъ по распоряженію сельскихъ властей, такъ что и уклониться отъ участія въ немъ никому было нельзя. Между тѣмъ послѣднія навѣрно не приняли мѣръ, предписываемыхъ въ подобныхъ случаяхъ закономъ. Тутъ, очевидно, было бы мѣсто и вразумленію со стороны священника и мѣропріятіямъ со стороны свѣтскихъ властей. Можетъ быть, совокупнымъ усиліямъ ихъ и удалось бы, если не вырвать съ корнемъ суевѣрныя представленія изъ умовъ народа, то уничтожить обязательность суевѣрныхъ обрядовъ. Въ черниговской губерніи разсказываютъ, что со времени введенія новаго суда вывелось тамъ наблюденіе сельскихъ властей затѣмъ, чтобы во время цвѣтенія хлѣбныхъ злаковъ женщины не мыли бѣлья, или собственно не колотили моющееся бѣлье вальками, и не ткали холста, такъ какъ то и другое будто бы вредитъ цвѣтущему хлѣбу. Теперь сель-

скія власти уже не забираютъ поличное преступленія противъ народнаго суевѣрія и не пропиваютъ въ шинкѣ, потому что за это были бы наказаны какъ за самоуправство.

Поученіе къ поселянамъ въ недѣлю всѣхъ Святыхъ.

Завтра начинается у насъ бр. постъ въ честь св. Ап. Петра и Павла, установленный церковію для того, чтобы достойно почтить имъ память о тѣхъ болѣзняхъ и трудахъ, коими сопровождалась еванг. проповѣдь сихъ первоверховныхъ, и паче другихъ потрудившихся, Апостоловъ Христовыхъ. Къ сожалѣнію, какъ узналъ я, завтра же у васъ въ обычаѣ справлять какой то *свой* праздникъ, называемый *розыгры*,—праздникъ какого-то разгула преимущественно женщинъ. Что это за обычай, за праздникъ? Думали ли вы объ этомъ добрые христіане? Если нѣтъ, то вотъ послушайте, что я скажу вамъ.

Не стану уже говорить о томъ, что подобныя безчинныя празднества оскорбляютъ святость поста, установленнаго св. церковію, и уже потому они грѣховны. Скажу нѣчто больше: знаете ли вы, христіане, что наши самочинныя празднества, или точнѣе игрища, каковы: *купало*, *колядныя гаданья* или эти теперешнія *розыгры* пошли отъ той далекой и темной поры, когда предки наши были еще язычниками, т. е. людьми погаными, незнающими Бога и Христа, когда вмѣсто Бога они кланялись солнцу, мѣсяцу, дереву, камню, а то и просто какому либо идолу или чурбану—чудищу, думая, что тамъ засѣлъ какой то богъ или духъ не то добрый, не то злой, когда имъ мерещились какіе-то лѣшіе, водяные, вѣдьмы и тому подобныя чудища, никогда не бывалыя. И жили то предки наши тогда словно звѣри, жили не чисто и погано, не зная или мало зная людской стыдъ на своихъ игрищахъ праздничныхъ, а было и еще хуже— было то, что они зарѣзывали, проливали кровь своихъ дѣтей въ жертву, т. е. какъ бы на покормъ своимъ вымышленнымъ богамъ. И вотъ св. вѣра Христова вывела предковъ нашихъ изъ такой темноты и нечистоты, вывела ихъ, а чрезъ нихъ и насъ къ свѣту, къ чистотѣ. Скажите же: слѣдъ ли вамъ возвращаться къ той старой темнотѣ и нечистотѣ, къ тому безсрамію и распутству? Не грѣшно ли то предъ Богомъ и Его святыми, что рядомъ съ днями святыми, христіанскими вы ставите свои пьянственныя и скверныя игрища, будто вы ужъ не христіане, а какіе-то поганцы? Не стыдно ли это? Не покараетъ ли насъ за это Господь". Не отвернутся ли отъ насъ Его святые? Узналъ я также, что женщины-матери, отправляясь на *розыгры*, берутъ туда съ собой и своихъ дѣтей—и подростковъ, а еще чаще грудныхъ, пьютъ тамъ, пляшутъ съ грудными дѣтьми, вливая нерѣдко имъ въ ротъ недопитую чарку водки... Правда, не привелось мнѣ видѣть того своими глазами, и дай Богъ, чтобъ не привелось. Но если точно такъ бываетъ, то что можетъ быть гаже и отвратительнѣе сего? Какъ? Мать, христіанка, въ пьяномъ видѣ, съ однимъ дитятей у груди, а другаго держа за руку, пляшетъ, окруженная часто безстыдными взглядами мужчинъ, поетъ (если только владѣетъ еще языкомъ) срамныя пѣсни, вливая въ ротъ невинному еще дитяти водку... Боже, да что можетъ быть хуже этаго?! Какого еще нужно больше вреда и соблазна для дѣтей? Тутъ-то бѣдныя дѣти вмѣстѣ съ молокомъ матери всасываютъ въ себя злой зародышъ пагубнаго пьянства. А дитя—подростокъ, находящееся съ матерію въ шинкѣ, будучи невольнымъ свидѣтелемъ ея пьянственнаго безчинія, вы думаете, ничего не замѣчаетъ? О, если *горе* всякому *человѣку*, по словамъ Спасителя, чрезъ котораго *соблазнъ приходитъ*; то какое двойное и тройное горе родителямъ, соблазняющимъ своихъ дѣтей? И такіе родители хотятъ еще, послѣ этого, чтобы дѣти ихъ не были послѣ горькими пьяницами! Нѣтъ, вы сами же говорите, что *„яблочко отъ яблоньки не далеко катится"*—пеняйте же сами на себя! Дѣти съ васъ же берутъ примѣръ, ибо кто ближе къ дѣтямъ какъ не родители—особенно мать? Пеняйте сами на себя, если ваши дѣти, съ возрастомъ лѣтъ, предавшись сами пьянству, служатъ для васъ подъ старость не на радость, а на одно горе... когда дѣйствительно *розыграется* бѣда надъ вашею сѣдою и поникшею отъ лѣтъ головою, и вы сами позлѣ не находите себѣ мѣста, бѣгая съ жалобами и по судамъ, то къ священнику, то въ волостныя свои правленія. Что жъ? Что посѣешь, то и пожнешь!

Наконецъ, если и мужчины—христіане должны вести себя всегда *благообразно* и *по чину*, то тѣмъ болѣе женщины, для коихъ стыдливость была и есть всегда самымъ первымъ украшеніемъ. Но какая стыдливость у пьяной женщины?.. Честность свою женщины-христіанки должны тѣмъ болѣе оберегать, что именно вѣра Христова заступилась за нихъ, и дала имъ такое значеніе и почетъ въ семьѣ и въ обществѣ, какихъ онѣ не имѣли, бу-

дучи во время поганства въ большой обидѣ, въ большомъ загонѣ предъ мущинами. Но какая честность у женщины, предающейся пьянству? Какое можетъ быть къ ней уваженіе?... Убойтесь же жены-христіанки того страшнаго вреда и соблазна, которые вы вносите въ свою семью чрезъ пьянство. Устыдитесь, сверхъ этого, того высокаго значенія, которое дано вамъ нашимъ общимъ Спасителемъ, возвеличившимъ васъ и сдѣлавшимъ васъ сонаслѣдницами нашими Его славнаго Царствія. Не оскорбляйте Его своимъ безстыднымъ поведеніемъ. Бросьте свои постыдныя празднества и пьянство. Берите лучше примѣръ съ своихъ первообразовъ въ христіанствѣ: Маріи Магдалины, Саломіи, др. Маріи и проч. любвеобильныхъ послѣдовательницъ Христовыхъ, всю жизнь свою посвятившихъ на служеніе Господу нашему І. Христу. Служите и вы Ему чистою душою и чистымъ сердцемъ. Будьте вмѣстѣ съ тѣмъ добрыми и честными женами, любящими матерями, любите свой домъ и свою семью, не гоняясь за розыграми,-ведите добрый порядокъ въ хозяйствѣ, берегите дѣтей, учите ихъ Богу молиться, учите труду, полезной работѣ и всякому добру. Будете такъ поступать -и Господь благословитъ васъ и вашихъ дѣтей. Аминь.

С. Нов. Гребли свящ. *Григорій Шиманскій.*

Насколько справедливы упреки духовенству въ нерадѣніи о церковно-приходскихъ школахъ?

Не смотря на то, что, кромѣ духовенства, мало ли кто не заботится о церковно приходскихъ школахъ, въ свѣтской печати не прекращаются упреки ему въ безучастности къ такому важному дѣлу, какъ народное образованіе. Непослѣднее мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи записка корреспондента изъ Бердичева, помѣщенная въ № 52 „Кіевлянина" за нынѣшній годъ. Положимъ, сельское духовенство, при своей необезпеченности, не въ силахъ поддерживать существованіе церковно-приходскихъ школъ въ такомъ порядкѣ, какого естественно желать каждому (въ чемъ согласенъ и самъ корреспондентъ), тѣмъ болѣе, что на обязанности духовенства лежитъ еще поддержаніе и своихъ окружныхъ училищъ; но что же сдѣлали, чѣмъ помогли церковно-приходскимъ школамъ тѣ, которые, безъумолку, кричатъ на духовенство? Помнится, что былъ циркуляръ и не одинъ, со стороны высшихъ властей, обязывающій сельскія общества, съ ихъ посредниками во главѣ, оказывать содѣйствіе этимъ школамъ со стороны матеріальной; помнится, что къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія было призвано и наше русское благородное дворянство, отозвавшееся полною готовностію служить дѣлу: но что же выходитъ на дѣлѣ? Самъ авторъ упомянутой замѣтки приходитъ въ ужасъ отъ жалкой обстановки церковно-приходскихъ школъ, хотя умалчиваетъ, что большая часть изъ нихъ находится въ имѣніяхъ дворянъ. По его словамъ, многія школы помѣщаются въ нетопленныхъ лачугахъ, или въ топленныхъ, но наполненныхъ курами, поросятами, телятами и прочею хозяйственною живностію, съ добавкою висячихъ люлекъ съ крикунами—дѣтьми. „Можете себѣ воображать, восклицаетъ онъ, какая это школа при подобной обстановкѣ!...". А кто же виноватъ, опять таки добавимъ мы, ужели именно духовенство? Мы приведемъ фактъ объясняющій, какъ относятся къ церковно-приходскимъ школамъ тѣ, на коихъ лежитъ прямая обязанность заботиться о нихъ со стороны матеріальной.

Предъ нами лежитъ переписка между однимъ благочиннымъ и мировымъ посредникомъ кіевскаго уѣзда, изъ коихъ первый проситъ послѣдняго, сколько нибудь пособить дѣлу—побудить сельскія власти позаботиться о доставкѣ отопленія въ четыре церковно-приходскихъ школы и починить окна въ одной изъ нихъ (окна, кажется, заткнутыя соломой). Мировой посредникъ по видимому, съ полнымъ усердіемъ взялся за дѣло и, нимало не медля, предписалъ волостному старшинѣ привесть всѣ школы въ надлежащую исправность. Старшина П., подержавъ эту переписку у себя съ мѣсяцъ, доноситъ, что всѣ школы приведены въ надлежащую исправность. Чрезъ недѣлю вся эта переписка отъ посредника возвращается къ благочинному, съ увѣдомленіемъ, къ полному удовольствію послѣдняго, что все требуемое исправлено. Видя такое смѣлое и безцеремонное насиліе истины со стороны старшины П., (такъ какъ въ собственномъ приходѣ благочиннаго школа какъ была, такъ и оставалась съ заткнутыми окнами, въ самомъ разгарѣ крещенскихъ морозовъ), онъ благочинный думалъ, что по крайней мѣрѣ въ другихъ приходахъ С...кой волости найдетъ доказательства вниманія старшины къ вопіющимъ нуждамъ школъ; но и тамъ имѣлъ случай убѣдиться, что не только старшина, даже ни одинъ сельскій староста не заглядывалъ въ школу. Возобновлять же переписку, которая и безъ того тянулась отъ 14 января по 25 февраля значило бы толочь воду въ ступѣ. А потому благочинный вынулъ два рубля изъ кармана и починилъ окна въ своей школѣ. А между тѣмъ,

къ слову сказать, сколько пропадаетъ мірскихъ рублей у сельскихъ сборщиковъ и старшинъ! Почти у каждаго сборщика, при излишней раскладкѣ, образующейся отъ округленія дробей, остаются больші десятки рублей безъ возврата обществу, которое удовлетворяется за это одной четвертиной сивухи.

„Грустно, заключаетъ корреспондентъ, мѣтя на духовенство, что лица, отъ которыхъ многое зависѣло, думали такими школами умалить значеніе народной министерской школы". Грустно, прибавимъ мы что лица, которыя такъ усердно поднимаютъ жалобы на наше сельское духовенство, за его якобы холодность, за его якобы невниманіе къ дѣлу народнаго образованія, *связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плеча людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинутъ ихъ*. Не одно духовенство, но и другіе классы напр, дворянство, также призваны къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія, а посмотрите, сколько школъ бѣдствуетъ въ богатыхъ помѣстьяхъ дворянъ!

Ракитинъ.

Помѣщая эту полемическую замѣтку почти въ томъ видѣ, въ какомъ она доставлена намъ, думаемъ съ своей стороны, что полезнѣе всякой полемики были бы обстоятельныя и вѣрныя сообщенія о примѣрахъ доброй заботливости приходскихъ причтовъ, попечительствъ, сельскихъ обществъ, дворянъ—землевладѣльцевъ и др. о лучшемъ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ. Сообщенія этого рода всегда найдутъ мѣсто на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

Некрологъ *). 26 мая текущаго года скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни священникъ села Овсяникъ бердичевскаго уѣзда о. **Іоаннъ Плещанскій**. Покойный былъ воспитанникомъ полоцкой семинаріи, рукоположенъ во священника въ февралѣ 1844 года на приходъ въ село Овсяники, гдѣ и прослужилъ всѣ 36 лѣтъ своего священства. Вѣрно и честно подвизался онъ въ трудахъ своего священнаго служенія. Не было оно ознаменовано какими либо особенными служебными отличіями, но давно упрочило за нимъ честь добраго приходскаго пастыря, такъ что не разъ удостоивался онъ изъявленій архипастырской благодарности, имѣлъ нѣкоторыя скромныя награды, былъ въ свое время и благочиннымъ, а позже—духовникомъ для окрестнаго духовенства, въ средѣ котораго, также какъ и въ средѣ своихъ прихожанъ, пользовался уваженіемъ и любовію. Одна сторона въ жизни почившаго заслуживаетъ особаго вниманія. Это одушевленное преданностію волѣ Божіей терпѣніе, съ какимъ онъ несъ свой жизненный крестъ, слагавшійся изъ цѣлаго ряда постигавшихъ его испытаній, невзгодъ, нуждъ и лишеній. Давно овдовѣвъ, онъ остался съ многочисленнымъ семействомъ на рукахъ, которое долженъ былъ содержать своимъ трудомъ, сердобольно заботясь о дѣтяхъ и въ послѣднее время и двухъ внучкахъ, воспитывать которыхъ пришлось старику—дѣду. Много вынесъ онъ труда и горя, но никогда не зналъ отдыха, довольства, живя вообще бѣдно, почти нищенски. Бывало время, когда у него не доставало и хлѣба, потому что подъ гнетомъ невзгодъ, неудачъ, потерь, приходилось подъ часъ обращать на уплату долговъ полевые посѣвы,—и только доброе благотворительное участіе сослуживцевъ выручало его изъ горькой необходимости продавать что либо изъ домашней и безъ того мизерной рухляди. На своемъ приходѣ, одномъ изъ бѣдныхъ въ уѣздѣ, не могло быть у него и мысли о томъ, чтобъ скопить что либо про черный день. А день этотъ, да еще длинный, наступилъ для него. Четыре послѣдніе года онъ страдалъ тяжелымъ недугомъ, который допускалъ нѣкоторое облегченіе, но не излеченіе, между тѣмъ требовалъ затратъ на пользованіе, истощавшихъ послѣдніе гроши бѣдняка. Страдалецъ однакоже крѣпился и, пользуясь совѣтами знаменитаго Пирогова, кое-какъ оправлялся отъ періодически постигавшихъ его припадковъ недуга и, хотя и не безъ напряженія своихъ изо дня въ день слабѣвшихъ силъ, продолжалъ служить алтарю Господню и своему приходу, можно сказать, до послѣдняго вздоха жизненнаго. Въ послѣднее время окончательно сломились и эти силы отъ новаго удара, какимъ была смерть старшей дочери, которая была хозяйкой въ домѣ, облегчая труды и заботы страдальца. Не болѣе десяти дней прожилъ онъ послѣ этого удара; 25 мая собрался онъ ѣхать за врачебнымъ совѣтомъ къ Пирогову; уже запрягли нанятыхъ лошадокъ (своихъ давно не въ состояніи онъ былъ имѣть, хотя ихъ имѣетъ въ селахъ почти всякій крестьянинъ). Передъ дорогою, какъ бы въ раздумьи насчетъ этой малонадежной попытки еще разъ облегчить свои страданія, сталъ онъ у стола и минуты черезъ двѣ—три сталъ опускаться на колѣни. „Поднимите меня", сказалъ онъ дѣтямъ. Подняли, положили—и до сутокъ о. Іоанна не стало.

Осиротѣлымъ дѣтямъ—дочерямъ отъ слезъ надо было перейти къ заботамъ о похоронахъ.. Послѣ недавнихъ похоронъ старшей сестры, неимѣлось запаса для устройства хотябы и самыхъ скромныхъ похоронъ отцу. Сироты Плещанскія вынуждены были заложить полевой посѣвъ за 80 р Добрая память отца выручила ихъ. По этой памяти о немъ собралось на похороны, кромѣ о. благочиннаго, 12 священниковъ изъ разныхъ округовъ и 2 діакона. По доброму, внушенному хр. чувствомъ, почину одного изъ священниковъ (о. П. Инфимовскаго), при полномъ сочувствіи благочиннаго о. С. Пащевскаго, сдѣлана послѣ похоронъ складка присутствующими, которою сумма въ 80 р. была пополнена, и для сиротъ освобожденъ отъ залога посѣвъ, остающійся теперь послѣднимъ запасомъ ихъ на кусокъ хлѣба. Все же остальное имущество, по описи его, произведенной благочиннымъ, едвали вынесетъ и на 50 р. Такое то осталось наслѣдство у покойнаго послѣ 36 лѣтъ службы на одномъ и томъ же приходѣ!—наслѣдство, какое и между крестьянами остается только у бѣднѣйшихъ. Одному Богу извѣстно, чѣмъ будутъ жить оставшіяся сироты—Плещанскія, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ! Можно утѣшаться мыслію, что Епархіальное Начальство воззритъ на нихъ окомъ милосердія, и тѣмъ болѣе, что оно умѣетъ различать между бѣдными—бѣднѣйшихъ. Между тѣмъ примѣры полной бѣдности сиротѣющихъ семействъ въ нашемъ духовенствѣ достаточно показываютъ, что бытъ его улучшился далеко не такъ, какъ инымъ можетъ казаться, что съ другой стороны, не зависимо отъ общихъ правительственныхъ мѣръ по улучшенію быта его, дѣйствіе которыхъ продолжается

*). Доставленъ свящ. *Гр. Шиманскимъ*.

весьма и весьма нелишне и самому духовенству думать о болѣе широкомъ развитіи мѣръ призрѣнія и взаимнаго вспомоществованія въ своей средѣ, въ чемъ духовенство нашей епархіи значительно отстало отъ духовенства многихъ другихъ епархій. Обращаясь еще разъ къ памяти почившаго о. Іоанна, бѣдняка и страдальца, вспомнимъ для общаго назиданія, что онъ вообще безъ ропота несъ тяжелую долю свою. Вѣруемъ, что Господь пріялъ кроткую душу почившаго, нашедшаго въ кончинѣ истинную и уже вѣчную ослабу, какъ то живо выражено въ слѣдующей надгробной рѣчи о немъ, съ большимъ одушевленіемъ сказанной однимъ изъ участниковъ погребальнаго служенія о немъ о. О. П. Инфимовскимъ:

Нынѣ упокоихся и обрѣтохъ ослабу многу. (Эксапостиларій, послѣ канона).

Да, возлюбленный почившій собратъ, твоя смерть есть поистинѣ большое для тебя облегченіе отъ тяжести житейскаго бремени, которое ты носилъ во всю жизнь свою! Земнаго счастія, которымъ пользуются люди въ своей жизни въ разныхъ степеняхъ и видахъ, ты никогда и ни въ чемъ не испытывалъ и не пользовался благами міра сего въ такой мѣрѣ, какъ пользуются нѣкоторые другіе: твоя всегдашняя скорбь, убожество до нищеты, болѣзни, безпрерывныя разныя огорченія, преждевременная потеря прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ жены, сиротство многочисленныхъ дѣтей, затѣмъ, въ послѣдніе годы жизни, тяжкая, періодически-мучительная и неизлѣчимая твоя болѣзнь, потеря, десять дней тому назадъ, твоей любимой дочери—первой и старшей въ семействѣ, которая была хозяйкою въ твоемъ домѣ и заступала мѣсто матери для прочихъ твоихъ дѣтей,—эта потеря дорогой дочери умножила многую твою скорбь и увеличила удары тяжкой твоей болѣзни и положила конецъ многострадальной твоей жизни. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ сопровождалась жизнь почившаго собрата нашего! Кому эти обстоятельства жизни покойника болѣе или менѣе извѣстны, тотъ согласится назвать эту смерть благодѣяніемъ Божіимъ для почившаго: *нынѣ упокоихся, и обрѣтохъ ослабу многу.*

Но при всемъ этомъ благодѣяніи Божіемъ для почившаго страдальца, мы слышимъ и видимъ плачъ и рыданіе веліе у гроба его. Кто же эти плачущіе? Ахъ, грустно упоминать о нихъ,—сердце сжимается скорбію и глаза, по неволѣ, наполняются слезами при взглядѣ на нихъ,—это несчастныя дѣти умершаго священно-іерея Іоанна, круглыя сироты, отселѣ—безкровныя и бездомныя и бѣдныя въ полномъ смыслѣ этого слова! Съ этими несчастными сиротами плачутъ и всѣ тѣ, которые сочувствуютъ тяжкому ихъ горю....

Боже милостивый, человѣколюбивый и всемудрый! Призри милостивымъ Твоимъ окомъ на сиротъ почившаго раба и служителя Твоего и неоставь ихъ всесильною помощію Твоею и щедротами Твоими во вся дни живота ихъ! И вы всѣ, братіе, примѣните какъ можно шире христіанскую свою любовь къ бѣднымъ сиротамъ симъ, полюбите ихъ не словомъ токмо, но и дѣломъ: на всѣхъ насъ лежитъ христіанская обязанность помочь этимъ бѣднымъ дѣтямъ въ ихъ жизни всѣмъ, кто чѣмъ можетъ и какъ можетъ, памятуя, что таковыми жертвами благоугождается Богъ, который и награждаетъ каждаго такого жертвователя сторицею и въ семъ вѣкѣ, и въ будущемъ.

Ты же, любезный собратъ, иди съ миромъ въ путь, который уготованъ тебѣ.—При этомъ напутствованіи я утѣшаю тебя и ободряю словами матери нашея св. православной церкви: „Въ вѣрѣ, и надеждѣ, и любви, и кротости, и чистотѣ, и въ священническомъ достоинствѣ, благочестно пожилъ еси, приснопамятне. Тѣмъ же тя превѣчный Богъ, ему же и работалъ еси, самъ вчини духъ твой, въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведніи упокоеваются: и получиши на судѣ Христовѣ оставленіе, и велію милость *)". Аминь.

Священникъ *П. Инфимовскій.*

28 мая 1880 г.
с. Овсяники.

---

*) Тропарь послѣ 2-й молитвы, по прочетѣ 2-го Евангелія.

Профессоръ *И. Малышевскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе: — *Часть оффиціальная.* — Распоряженія Епархіальнаго Начальства.— *Часть неоффиціальная.*—Полезная мѣра мѣстной администраціи относительно знахарей и знахарокъ.—Со словъ сельской бабки.—Опахиваніе отъ чумы.—Поученіе къ поселянамъ въ недѣлю всѣхъ Святыхъ.—На сколько справедливы упреки духовенству въ нерадѣніи о церковно-приходскихъ школахъ?—Некрологъ.—Надгробная рѣчь.—Объявленія.

Вышелъ въ свѣтъ № 25 Воскреснаго Чтенія. Содержаніе его слѣдующее:—О неравенствѣ долей человѣческаго счастія на землѣ. Поученіе 3-е.—Скорби и тягости жизни.—Св. священномученикъ Евсевій Самосатскій.—Наказаніе разговаривающимъ въ церкви во время божественной службы.

Печатать дозволяется. 23 іюня 1880 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.